

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ФАДЕЕВА

МИРА НОВОГО МОЛОДОСТЬ

«БУДУЩИЙ МОЛОДОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ДОБРЫЙ ПОТОМОК, ОБРАТИТ СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ К ПИСАТЕЛЮ... АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ. ОН УВИДИТ ЕГО В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ ВЕСЕЛЫМ И ЖИЗНЕЛЮБИВЫМ, ОН УСЛЫШИТ ЕГО ЗАПЕВКУ В ПЕСНЕ О ВЕЛИКИХ ДНЯХ УСТРОЕНИЯ ГОСУ-

ДАРСТВА НАШЕГО И ВМЕСТЕ С НИМ ПОВТОРИТ СЛОВА ИЗ ЕГО КНИГИ: «КАК ХОРОШО МОГЛИ БЫ ЖИТЬ ЛЮДИ НА СВЕТЕ, ЕСЛИ БЫ ОНИ ТОЛЬКО ЗАХОТЕЛИ, ЕСЛИ БЫ ОНИ ТОЛЬКО ПОНИМАЛИ!»

ВЛ. ЛИДИН. ОБ АЛЕКСАНДРЕ ФАДЕЕВЕ.

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Сколько раз повторял я эти, хорошо известные всем строки Эдуарда Багрицкого и как-то не задумывался о том, насколько точно воспроизводят они юношескую биографию Александра Фадеева. Ведь это именно его, восемнадцатилетнего Сашу, с партийной, подпольной фамилией Булыга, «водила молодость в сабельный поход» в составе дальневосточного партизанского отряда «Особый Коммунистический», это его, девятнадцатилетнего комиссара бригады, делегата X Всесоюзного съезда РКП (б), получившего ошеломляющее ранение во время наступления на один из мятежных кронштадтских фортков, «бросало» на лед Финского залива.

Так стихотворные строки, в которых запечатлен обобщенный образ молодых орлят революции, наполнились для меня конкретным жизненным содержанием...

«Я принадлежу к тому поколению демократической интеллигенции, — говорил Александр Фадеев, — которое было еще в поре ранней юности, когда произошла Великая Октябрьская революция... Нам нужно было выбирать, на чью сторону стать... Нам не трудно было выбрать. Мы учились на медные деньги своих родителей. Мой отец и мать, фельдшер и фельдшерша в глухой деревне, еще сами обрабатывали землю. Таковы были и мои немногочисленные товарищи по школе. Жизнь рабочих и крестьян была нам близка. Так, полные юношеских надежд, с томиками Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию».

Когда я думаю о тех, с чьей жизнью и борьбой связана суровая, но, вместе с тем, и прекрасная эпоха рождения нового мира, я всякий раз спрашиваю себя, что двигало ими в те далекие, грозные, овеянные метельной романтикой годы, что заставляло гореть их юные сердца?

Иного ответа здесь быть не может — вера! Священная, непобедимая вера в историческую правоту того дела, во имя которого идет гигантская ломка веками складывающихся порядков. Вера в правоту революции — таков скрытый двигатель и литературных героев Александра Фадеева: Неретина в повести «Разлив», Селезнева, Челнокова и Соболя в рассказе «Против течения» («Рождение Амгуньского полка»), Левинсона в романе «Разгром», Петра Суркова и Алеши Маленького в романе «Последний из удэге»...

Впереди еще много дней и ночей, которые пропахнут порохом классовых битв; будет все: и шрамы семеновских шашек, и раскрытая перед тобой японским солдатом паровозная топка, и свист пули из кулацкого обреза, будут долгие годы восстановления...

Но уже сейчас задолго до всего этого, большевик Неретин думает о времени, когда «неумолимые стальные рельсы перережут... Улахинскую долину, а через непробитые сихотэ-алиньские толщи, прямой и упорный, как человеческая воля, проляжет тоннель. Раскроет тогда хребет заповедные свои недра, заиграет на солнце обнаженными рудами... По хвойным вершинам впервые застелется горький доменный дым, новые жирные целики глубоко взроет электрический трактор».

В годину разрушения — стройная программа созидания! Это ли не подтверждение силы большевистской веры нового человека, хозяина своей страны — коммуниста Неретина?! И это — в ранних, еще несовершеннолетних произведениях Фадеева. Недаром первая рецензия на «Разлив», написанная Ю. Либедиским, носила название «Художник-большевик». Эти слова определяют не только идейно-художественную направленность творчества молодого писателя, но и — в еще большей степени — его человеческую сущность, жизненную позицию, от которой Фадеев не отступал до самой смерти.

Кто-то сказал, что советская литература начиналась людьми в солдатских шинелях. В целом это верно: красногвардеец Всеволод Иванов, создатель «Партизанских повестей», пришел в Петроград из Сибири, где сражался с Колчаком; Александр Мамлышкин, автор героико-романтической повести «Падение Даира», прибыл в Москву с Южного фронта, где громил Врангеля; творец «Конармии» Бабель дрался с белополяками; легендарный комиссар Чапаевской дивизии Фурманов бился с белочехами, белоказаками, басмачами... Этот список можно было бы множить и множить. Все они писали о том, что было им хорошо знакомо, что было ими лично пережито и пережито.

Фадеев писал о партизанской войне в далеком Приморье. По его «Разгрому» грядущие поколения будут изучать эпоху рассветных зорь первой страны социализма. К его Левинсону потянутся за верой, за твердой убежденностью в приходе «нового, прекрасного, сильного и доброго человека». Потянутся так же, как тянутся к нему в романе, подчас даже до конца не осознавая этого, грубоватый Морозка и смелый Метелица, юный Бакланов и все шахтерское, «угольное племя» партизанского отряда.

Из произведения в произведение переходят фадеевские герои-коммунисты, сохраняя в неизменности стержневую черту большевистского характера — веру в окончательную победу революции, победу социализма и коммунизма. И вновь в уста большевика-ленинца Алеши Маленького — героя романа «Последний из удэге» — вкладывает Фадеев

рассуждения о будущем, еще более грандиозные, чем у Неретина: «— Я говорю, сегодня это — сказки, а завтра это — уж живое дело... а сказки уже пойдут новые: например, каким путем на другие планеты добираться? Или вот атомную энергию использовать... силаца какая! О этом даже подумать страшно, а ведь используют когда-нибудь...»

Коммунистическая вера, великие революционные традиции помогли советскому народу отстоять свою Родину в жестокой схватке с фашизмом, помогли победить фашизм. Достойными преемниками Левинсона явились молодогвардейцы, ведомые коммунистами Проценко, Лютиковым, Бараковым... «Молодая гвардия» Александра Фадеева — это лирико-романтический гимн молодому советскому человеку, которого не смогли поставить на колени ни устрашающая сила бронированной фашистской армады, ни размеры захваченной ею территории. На временно оккупированной гитлеровскими полчищами советской земле поднимали голову десятки, сотни, тысячи таких, как Олег Кошевой, Иван Земнухов, Ульяна Громова, Сергей Тюленев, Любков, Шевцова...

«Молодая гвардия», — писал Фадеев, — это не одиночное исключительное явление... Везде и повсюду борется гордый советский человек. И хотя члены боевой организации «Молодая гвардия» погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма».

Творчество Александра Фадеева, проникнутое жизнеутверждающими коммунистическими идеями, является высочайшим образцом искусства социалистического реализма и обладает непреходящим идейно-эстетическим значением. Современным советским писателям есть чему поучиться у классика советской литературы — Александра Фадеева.

Сегодня, отмечая 80-летие со дня рождения А. А. Фадеева, нельзя не вспомнить слова, сказанные им в дни, когда отмечался его 50-летний юбилей:

«Я думаю, что за всю историю человечества не существовало более величественного коллектива, чем наша партия, которая вобрала в себя лучшие силы народа и с их помощью ведет народы всех национальностей к справедливой жизни, к коммунизму».

Это величайшее торжество человеческого коллективного разума над стихией общественного развития, и я горжусь тем, что принадлежу к этой великой партии и иду за ней преданно и беззаветно».

Р. САФАРОВ,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы АГУ им. С. М. Кирова.